

«Он» был с девочкой постоянно: вместе играли, ходили в школу, ели и спали. Всю зиму они были неразлучны, и всё было спокойно.

— Стыдно-стыдно!

На пути из школы дети окружали их, показывая языки и хихикая:

— Эргоу и Яньцзы, стыдно-стыдно! Яньцзы — невеста Эргоу!

«Он» пнул одного из ребят, и все с хохотом разбежались.

Девочка шла за ним, опустив голову.

Снег растаял, приближалась весна. Новый год прошёл, и шумная деревня постепенно затихла, снова оставшись со стариками и детьми.

*

Маленькая ласточка, в пёстрой одежде,

Каждый год весной прилетает сюда...

*

«Он» снова взял ранец, а дети, шедшие с ним в школу, весело распевали песенку.

Девочка шла рядом, голова её была поднята чуть выше, на лице играла улыбка.

«Он» посмотрел на неё сбоку, и в сердце тихо разлилась радость.

Чунмин замолчал, картина перед глазами снова изменилась.

«Он» с девочкой сделали змея — красивую ласточку. Они запускали его перед домом, и змей быстро взмыл в небо. «Он» бежал впереди, девочка — сзади, они кружили вокруг дома раз за разом.

Внезапно змей упал и зацепился за дерево позади дома.

«Он» велел девочке ждать под деревом, а сам полез на дерево за змеем. Он сосредоточенно следил за змеем, осторожно поднимаясь, и наконец достал его. «Он» был очень рад, обнял ствол и посмотрел вниз, чтобы похвастаться девочке, но под деревом её уже не было.

«Он» запаниковал, крича имя девочки, в два счёта спустился с дерева и, прижимая змея, метался в поисках.

«Он» пробежал от одного конца деревни до другого, словно пущенная ракета, заглядывал в каждый дом, на склоны, в лес — он обыскал всё.

«Он» вернулся домой в расстройстве, толкнул дверь и увидел мужчину, выходящего из их кухни, застёгивающего штаны на ходу.

«Он» мгновенно замер.

— Эргоу вернулся, — мужчина, или скорее старик, заложил руки за спину и равнодушно

направился к выходу. — Загляни как-нибудь к Третьему дядюшке, угощу вкусняшками.

Старик проходил мимо стола у кухни, где сушились вещи, и на ходу схватил горсть арахиса. Обычно добродушная улыбка сейчас казалась мерзкой и уродливой, вызывая тошноту:

— Хе-хе, парень, ты ещё мелкий, а уже смыслишь... даже знаешь, как девочек растить...

Речь оборвалась, когда он встретился взглядом с налитыми кровью глазами мальчика. «Он» заорал и, словно пушечное ядро, бросился на старика, сбив его с ног, и под брань ворвался в кухню.

Девочка сползала с широкого разделочного стола. Увидев, что «он» влетел, она сжалась и, хватаясь за край одежды, судорожно терла стол, голос дрожал:

— Эргоу, что... что делать, стол грязный...

«Он» весь дрожал, не в силах вымолвить ни слова.

...

— Я поведу тебя в полицию, мы заявим, пусть полиция их схватит.

«Он» сжал кулаки, взгляд был твёрдым.

Девочка опустила голову, пинала землю ногой:

— Угу.

Они начали готовиться, путь из деревни до посёлка был долгим-долгим.

...

— Эргоу, Эргоу, выходи скорей, с Яньцзы беда!

Снаружи кто-то кричал.

«Он» открыл глаза, рядом девочки не было.

«Он» спрыгнул с кана и, как безумный, бросился наружу.

У реки собралась толпа, «он» прорвался внутрь и увидел девочку, лежащую на берегу. Волосы растрёпаны, лицо синюшно-бледное, глаза закрыты, дыхания уже не было.

...

«Он» сидел, обхватив колени, тихо притаившись под алтарём в храме, слушая, как взрослые снаружи переговариваются.

— Что вы натворили-то?! Если бы я не узнал об этом раньше и вы бы успели заявить в полицию, лицо всей деревни было бы потеряно! Мне, старосте, что, стыдиться больше не надо?!

— Да ничего не случилось! К тому же, если мы будем твердить, что ничего не было, что полиция сделает? Разве они станут слушать ребёнка?

— Верно, если полиция спросит, я скажу, что она сама была не против. По обоюдному

согласию — что тут полиция сделает? Разве могут людей просто так забирать?

— Вы... вы... невежды!

— Что родители Яньцзы говорят?

— А что они скажут? Деньги хотят. Заранье говорю, у меня денег нет. Они сами ребёнка в деревне бросили, не присматривали, а теперь, когда беда случилась, к нам за деньгами лезут. Яньцзы в реке утонула, при чём тут я?

— Да брось, ты больше всех насилывал. Не думай, я не знаю, это ты первым начал.

— Это она сама ко мне лезла, такая же, как её мать, с малых лет ветреная.

— О, значит ты и с её матерью крутился? Хе-хе.

— Да пошли вы, не несите чушь, ничего такого не было!

— Хватит! Я вас собрал не для этого. С Цинь Ли и женой я договорился, дадим им двадцать тысяч, и всё. Яньцзы сама в реке упала и утонула, никто не виноват. Дадим деньги — и всё, не дадим — пойдём к чиновникам. Сами решайте.

— Хитро придумали, избавились от обузы и ещё денег получили, в город к сыну поедут жить хорошо. Хм, денег нет, у меня откуда деньги, если бы были, я бы давно жену взял, чего бы я...

— Ты, лодырь! Я сейчас говорю прямо: деньги дадим, хочешь не хочешь! Нет денег — занимайте! А то если Цинь Ли реально пойдут к чиновникам, несдобровать вам!

— Дадим, дадим, но кроме нас восьмерых, староста, ты тоже добавь. Ведь твой внук Эргоу тоже там замешан.

— Чепуха! При чём тут Эргоу, он же ещё ребёнок.

— Ой-ой-ой, ещё ребёнок? Ребёнок, который девочку под боком держит, с ней ест и спит? По-моему, твой внук как раз главный и выиграл.

— Ты...

— Верно, верно, кто не знает, что Яньцзы с Эргоу дружат. Яньцзы всю зиму у Эргоу жила, родителей нет, только бабушка. Дверь закрыли — кто знает, что они там делали.

— Хе, так считать, то ты за двоих платишь. Двадцать тысяч, мы восемь человек — по две тысячи, а остальные четыре тысячи — ты.

— Да-да, ты староста, платишь за двоих. А если к чиновникам пойдём, тебе же тоже лицо будет грязно, ведь так?

— Вы... вы... Ладно, ладно, я заплачу четыре тысячи, но запомните: ни слова об этом больше! Если кто-то ещё такое выкинет, я сам в полицию пойду! И вы двое, меньше к нам по деревне шляйтесь! Слышали?!

— Не шляться так не шляться, кому надо.

— Верно.

...

«Он» слушал каждое слово, сильно прикусывая руку, пока не пошла кровь.

...

«Он», казалось, немного вырос, ракурс стал гораздо выше, чем раньше.

«Он» стоял на меже на склоне горы, глядя сверху вниз на деревню, не зная, о чём думает.

Кто-то с мотыгой поднимался в гору, «он» замедлил шаг и свернул в сад позади.

«Он» стоял за деревом и увидел знакомое лицо. Тот постарел, сгорбился, с мотыгой на плече медленно поднимался по тропе.

Тропа с одной стороны касалась склона, с другой обрывалась в овраг.

Чунмин понял, что вот-вот случится, и заволновался.

Тот шёл, вдруг оступись, словно на что-то наступил, и повалился вбок, но его удержали ветки у края обрыва, и он не упал. Он барахтался, пытаясь встать.

«Он» не собирался давать ему шанс. «Он» вышел, холодно усмехнулся и протянул руку.

— Нет!

Чунмин хотел остановить его, но не мог говорить, мог лишь беспомощно смотреть, как «он» протягивает руку и легко толкает. Сгорбленное тело с воплем исчезло из виду.

«Он» снова усмехнулся, наклонился, подобрал прозрачную леску, начал наматывать её на руку и напевая, пошёл обратно.

*

Маленькая ласточка, в пёстрой одежде,

Каждый год весной прилетает сюда...

*

Чунмин резко открыл глаза.

Чунмин открыл глаза и услышал вопль.

Звук был громким, казалось, эхо прокатилось по всей деревне.

На самом деле сон ещё не закончился, он проснулся именно от этого вопля.

— Что случилось?

— Что происходит?

Туристы, дремавшие во дворе, один за другим просыпались, в панике и растерянности.

Чунмин ещё не полностью отошёл от сна, сознание было затуманено, в тумане он услышал

голос Цзин Хая:

— Я посмотрю.

Он потер глаза, огляделся. Уже было утро, примерно предрассветное время, только начинало светать. Он сел, одеяло соскользнуло, и его пробил озноб.

— Проснулся.

<http://bllate.org/book/16737/1539953>